Елена
ГРАСС
РАЗВОД
Я этого достойна!

Елена Грасс
Развод. Я этого достойна!

https://litres.ru/74568212
SelfPub; 2026

Аннотация

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, сама не зная зачем.

Любовница мужа, не замедляя шага, смотрит на меня через плечо и говорит своё имя:

— Лейла.

— Ну а как зовут меня, уверена, ты знаешь.

Она едва заметно кивает и продолжает свой путь.

— Я знаю, Полина. Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Когда она говорит эти слова, я понимаю, что она ищет способ задеть меня.

И она задевает! Понимание того, что любовница знает обо мне многое, похож на физический удар под дых.

Получается, она жила, зная о моём существовании, а я о её нет?

Девушка подводит меня к какому-то дому и приглашает пройти внутрь. На мгновение я сомневаюсь, но всё равно делаю шаг.

— Это дом моей сестры. Они уехали отдыхать, и нам никто не помешает. Давай поговорим как цивилизованные женщины.

Я надеюсь, ты не опустишься до уровня базарной хабалки, пытающейся в ревности, выдрать мне волосы, правда?

А она не так проста, как кажется. Она уверена в себе, и не заметить это невозможно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	62
Глава 10	70
Глава 11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Развод. Я этого достойна!

Глава 1

— Полина, звонили из больницы… — чувствую, что голос Рустама встревожен.

Замираю посреди оживлённого офисного коридора. Слово больница не вызывает у меня никаких положительных эмоций.

— Что произошло?

— Отцу плохо. Подозрение на инсульт. Но врачи пока не дают конкретики. Сказали только, что состояние тяжёлое. Его забрали на скорой прямо из кабинета.

Я закрываю глаза, пытаясь не паниковать, но выходит с трудом. На автомате прижимаю ладонь к груди в область сердца, чувствуя, как оно начинает биться быстрее.

Прежде чем я успеваю ещё что-то спросить, в динамике неожиданно раздаётся громкий гул. А следом какие-то объявления, голоса, крик плачущего ребёнка.

Аэропорт. Я мгновенно понимаю, где сейчас находится Рустам.

— Ты уже выехал к нему?

— Да, бросил все дела. Вылетаю первым же рейсом. Через сорок минут у меня посадка.

— Рустам… — мне очень хочется поддержать мужа, но

подходящих слов не нахожу. Да и помогут ли здесь слова?

— Я нужна тебе? Мне приехать?

— Пока нет, Поля. Сейчас я там буду только мешать, а ты тем более. Жди. Будем разбираться по ходу дела.

— Хорошо… Пожалуйста, звони мне. В любую минуту! И держи меня в курсе.

— Да, конечно. Целую.

Короткие гудки, а дальше тишина.

Осматриваюсь по сторонам, будто вижу этот коридор впервые.

Коллеги спешат мимо: кто-то торопится с папками в руках, кто-то смеётся у окна, у кого-то звонит телефон.

А я стою посреди этого движения неподвижно, словно меня выключили из реальности.

Пытаюсь вспомнить, куда я шла, но эта цель уже где-то на окраине памяти. Новость о состоянии отца Рустама ударила так резко, что все мысли в голове рассыпались в разные стороны и у меня никак не получается их собрать.

С трудом заставляю себя сдвинуться с места и возвращаюсь в кабинет.

Сажусь за стол, открываю файл, над которым работала совсем недавно, но читать текст не удаётся. Буквы расплываются в серые пятна.

Закрываю глаза и обхватываю голову руками, локтями опираясь о стол. Внутри меня всё сжимается от тревоги.

Подозрение на инсульт... Как страшно...

Перед глазами сразу же возникает лицо свёкра: строгое, собранное, волевое.

Что теперь с ним будет? Даже представить не могу!

У меня ни разу не возникало мысли, что мой свёкор может столкнуться с такой бедой. Да и мы вместе с ним.

Снова перевожу взгляд на экран. Но снова не могу думать ни о чём другом, кроме этой новости. Я очень переживаю за близких людей и не могу успокоиться.

Ну как иначе? С Рустамом мы вместе уже больше двадцати лет. А Аслан Теймуразович отец моего мужа.

Он давно для меня такой же родной человек, как мой сын, как его племянники, как тот, о ком сердце болит не меньше, чем за Рустама.

Встаю со стула и на одеревеневших ногах иду в зону отдыха. Мне срочно нужно покинуть замкнутое пространство.

Большая комната встречает меня одиночеством. Здесь никого нет. Но я рада этому, потому что у меня появляется несколько минут на то, чтобы взять себя в руки.

Подхожу к кулеру и наливаю холодной воды. Выпиваю залпом.

Вода обжигает горло холодом, но легче не становится.

Набираю второй. Я не думаю сейчас о том, что могу заболеть. Я лишь хочу, чтобы голова перестала гудеть и мне хоть немного стало легче.

— Бурная ночь? — раздаётся за спиной игривый голос коллеги.

Оборачиваюсь. Опираясь плечом о дверной косяк, недалеко от меня стоит Соня. Вечная хохотушка и сплетница.

Она смотрит на стаканчик в моей руке и, расценивая его по-своему, начинает лукаво улыбаться.

Я понимаю, что она намекает мне на бурное веселье, но я разочарую её.

— Если бы… — шепчу я, не в силах даже улыбнуться ей в ответ.

— Полин… Что-то случилось? — моя коллега догадывается, что у меня что-то не в порядке.

— Да, дома проблемы.

— Решаемые?

— Пока не знаю. Но надеюсь. Выясним позже.

Я отвечаю однозначно, но Соня не понимает намёка на то, что я не хочу разговаривать.

Пустую болтовню с охами и вздохами я всегда ненавидела. А дежурное сочувствие мне всё равно ничем не поможет.

Отворачиваюсь к окну и опираюсь руками на подоконник. Прильнув к стеклу лбом, закрываю глаза и молчу.

— Полин, если нужна помощь…

— Спасибо, я справлюсь.

Под чутким взором Сони я снова набираю стакан воды, и не прощаясь иду к себе.

Вернувшись в кабинет, поворачиваю лицо к Антонине и замечаю, что при моём появлении её лицо тоже меняется.

— Полин… — Тоня, как и Соня смотрит на меня с насто-

роженностью. — Что-то случилось?

Не понимая реакции коллег, ставлю на стол стаканчик и подхожу к зеркалу.

Хм, неудивительно, что люди на меня так реагируют. Выгляжу я действительно неважно.

Бледная кожа, растрёпанные волосы, стёртая с губ помада. Не понимаю, когда я успела так «похорошеть».

Видимо, трогая волосы, я растрепала себе причёску. А кусая губы в волнении за свёкра, съела часть помады.

— Выгляжу плохо?

— Просто ты… какая-то странная.

— Скорее растерянная. А ты уже вторая, кто за последние пять минут спросил, что со мной не так.

— А у тебя всё нормально?

— Ненормально. У свёкра подозрение на инсульт, — произношу страшные слова.

После озвученной новости Тоня сначала замирает, потом тяжело вздыхает, а затем, отложив папку с документами, встаёт, подходит ко мне и обнимает за плечи.

Я не сопротивляюсь, хоть и растеряна от такого проявления чувств коллеги.

Мы никогда не были подругами, а сейчас она проявляет такое участие, словно я для неё самый близкий человек.

— Всё будет хорошо, слышишь? — говорит негромко, но я слышу каждое слово.

— Да, спасибо.

Она начинает гладить меня по голове, как маленькую девочку, а мне хочется отстраниться. Вот как раз этого я и избегаю. Не люблю, чтобы меня касались чужие люди.

— Инсульт — это, конечно, страшно, но сейчас не каменный век! Ты и сама знаешь, что медицина шагнула далеко вперёд! А значит, если вовремя успели, обязательно спасут! Вот увидишь, две недели и будет твой свёкор как новенький.

— Ты так говоришь, словно знаешь о болезни всё, — отстраняюсь от неё, получив высокую дозу поддержки.

— Именно! — кивает уверенно. — У моей тётки так было. Полгода восстановления и она уже на даче картошку сама сажала!

Соглашаюсь с мнением коллеги и не спорю. Считаю, что в этом нет никакого смысла. Ведь я ничего не знаю о болезни.

Да и мне приятнее верить в то, что она говорит.

Может быть, на самом деле у страха глаза велики, и Рустам скоро сообщит мне, что с Арсеном Теймуразовичем всё в порядке.

Тем более надо учитывать, что мой свёкор человек старой закалки с солдатской выправкой и железным здоровьем.

Такой не даст себя сломать. А значит, на самом деле всё будет хорошо.

— Спасибо, Тоня. Наверное, ты права. Сейчас всё лечат.

Снова возвращаюсь к зеркалу. Поправляю макияж, причёску, пощипываю щёки, чтобы на них хоть немного заиграл румянец, и возвращаюсь на своё рабочее место.

Хочу заставить себя отвлечься. И кажется, мне удаётся. Ненадолго я забываюсь в работе.

— Полин, я тут кое-что важное обнаружила! — через полчаса Тоня подходит ко мне и показывает распечатку из какого-то журнала. — Посмотри! Вот, я прочитала…

Она начинает пичкать меня разными терминами, рассказывать о степенях болезни и прочей информацией, в которой я ничего не понимаю.

— Тонь, не надо было.

— Как это не надо?! — коллега снова спешит вернуться к теме о болезни, но я предупредительно поднимаю руку.

Она замолкает и смотрит на меня с откровенным удивлением.

— Тонь, я не хочу накручивать себя раньше времени. Пожалуйста, остановись...

— Я просто хочу поддержать тебя. Помочь! Если тебе что-то нужно, я готова разделить с тобой тяготы твоей беды!

— Не нужно. Ты рассказала мне про современную медицину и свою тётю. Мне этого достаточно.

— Ну, как знаешь, — отходит обратно к рабочему месту и, фыркнув что-то неразборчивое, утыкается в экран компьютера.

Глава 2

Благодаря сердобольной коллеге снова не могу сосредоточиться на документах.

То и дело я возвращаюсь мыслями к своему свёкру и мужу.

Каждая строчка отчёта перед моими глазами теперь мне кажется бессмысленной. Она словно кричит мне о хрупкости нашей жизни.

Вот я сижу и планирую бюджет на следующий квартал, а мне звонят и сообщают, что мой мир летит в пропасть.

Нет, я так не могу. Ожидание — самое плохое, что может быть после самого события.

Набираю мужу, но абонент не абонент. Следом набираю соседке, и благодаря ей узнаю, что карета скорой помощи увезла моего свёкра в довольно тяжёлом состоянии.

— Откуда эта информация? — спрашиваю в надежде, что она просто слышала сплетни.

— Я позвонила своей подруге в больницу. Она сказала мне, что твой свёкор тяжёлый.

— Ясно, спасибо, — теряю последнюю надежду на то, что мой родственник через полгода тоже будет сажать картошку у себя на даче и набираю сообщение мужу.

После услышанного телефон из рук теперь не выпускаю. То и дело поглядываю на часы, считая минуты до звонка Ру-

стама и подробной информации о состоянии свёкра.

Как только гаджет начинает звонить, не теряя ни секунды, я тут же отвечаю:

— Рустам, наконец-то! Как дела? Как папа?

— Пока не ясно. Его обследуют, поэтому пока ничего сказать не могу.

— Держись, дорогой.

— Держусь, куда деваться… — неожиданно резко бросает он мне в ответ.

В этой короткой фразе весь его характер. Если мой муж чем-то раздражен, он не станет щадить чувства собеседника.

Это распространяется в том числе и на меня.

Иногда Рустам бывает жесток в своих высказываниях, но я к этому привыкла.

В жилах Рустама течёт восточная кровь. И пусть её лишь наполовину, однако гены штука упрямая и бороться с ними сложно.

Гремучий коктейль восточного отца и русской матери наделил сына характером, который порой кажется просто невыносимым.

Рустам часто ведёт себя как истинный восточный мужчина: властный, порывистый, уверенный в своей непогрешимости.

В нашем доме фраза «я всегда прав» не произносится вслух, она просто существует незыблемо, как аксиома.

Сейчас, когда он повышает на меня голос, еле сдержива-

юсь, чтобы не реагировать на эту резкость. Я знаю, что потом он пожалеет и извиниться передо мной. Но сейчас его резкость обижает меня.

Хочу как можно скорее закончить разговор.

— Я всё поняла. Ладно, пока, — стараюсь говорить ровно, но муж понимает, что я недовольна.

— Полинка, прости, — не успеваю нажать кнопку «завершить вызов», а Рустам уже спешит извиниться.

Голос мужа меняется, и в нём я неожиданно чувствую сильную усталость.

Да, у нас так всегда: сначала сорвётся, потом извиняется. Я давно уже выучила эту отрицательную черту в характере своего мужчины.

— Хорошо.

— Я обидел тебя, хотя не должен был. Просто это ожидание... оно так раздражает!

— Всё хорошо, Рустам, — тихо говорю я, натягивая улыбку на лицо, словно он меня видит. — Я всё понимаю. Я буду на связи, буду ждать новостей.

— Жди. Ты можешь мне понадобиться, — бросает он перед тем, как отключиться.

Не успеваю убрать телефон, когда следом приходит сообщение: «Забыл сказать: пожалуйста, набери сыну и родне. Сообщи о состоянии отца. Сам я не в состоянии с кем-либо общаться».

«Не волнуйся, я всё сделаю. Держи меня в курсе».

Как только набираю сыну, он сразу же отвечает мне. Мы все сейчас в одинаковом состоянии: переживание за семью сплотило нас.

— Амир, сынок, папа позвонил. Пока ничего не известно, — произношу я в трубку, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

— Хорошо. Я понял.

Поговорив с сыном, открываю список контактов, и, уставившись на экран, не знаю, кому позвонить.

У моего свёкра кроме двух племянников и нашей семьи никого не осталось.

— Айнас, — звоню первому, — привет.

— Привет, Полина, — его голос звучит на удивление бодро, почти беспечно, что резко контрастирует с моим состоянием. — Как дела?

— Дела... Дела неважно. Я звоню тебе по просьбе Рустама. У твоего дяди инсульт.

В трубке мгновенно воцаряется тишина. Такое же, как было между нами с мужем несколько часов назад.

Я чувствую, что он тоже растерян, но, как свойственно восточным мужчинам, он быстро берёт себя в руки.

— И как он?

— Пока ничего не знаем.

— Ясно… — в трубке снова тишина. — От меня что-то требуется? Денег, наверное, хотите?

Денег?! Он о чём вообще?!

Эти слова звучат для меня как личное оскорбление. На мгновение я даже лишаюсь дара речи.

— Нет, денег не надо! — резко отрезаю я.

— А что тогда? — не понимает цели моего звонка. Но если честно, с ним теперь не понимаю и я сама.

— Рустам просто хотел, чтобы ты знал о состоянии своего близкого родственника.

— Хорошо, я понял. Освобожусь и как-нибудь наберу ему.

— Пока.

Попрощавшись с ним несколько минут сижу в ступоре. Я не могу прийти в себя от слов, сказанных этим мужчиной.

Я понимаю, что Айнасу до болезни дяди нет никакого дела, но проявить сочувствие он мог?

Хотя бы в знак благодарности, что мой свёкор в своё время оплатил ему учёбу в Москве и устроил на хорошую должность позже.

Сижу, замерев с телефонной трубкой в руке, и начинаю сомневаться, стоит ли звонить второму племяннику — Дамиру.

После разговора с Айнасом я чувствую себя какой-то навязчивой просительницей, хотя у меня даже в мыслях не было у кого-то что-то просить!

Но выбора у меня нет. Я обещала Рустаму оповестить всех близких и не могу отступить от своего обещания.

— Дамир, привет, — рассчитывая на быстрый разговор,

рассказываю мужчине наши новости.

— Где он? Дядя у вас? В Москве? — никакой заминки или растерянности.

— Нет, он у себя, в республике. Это случилось сегодня. Муж вылетел к нему, и...

— Я понял. Я тоже вылетаю.

Быстро прощаясь, Дамир заканчивает разговор.

Смотрю на экран своего телефона и… восхищаюсь его реакцией. Мужской, честной, без лишних разговоров.

Надо же, какие разные родственники у моего мужа. Конечно, разница между ними чувствовалась всегда. Но сегодня она бросилась в глаза и показалась мне во всей красе.

Глава 3

Всю ночь я проваливалась в липкое забытье и тут же выныривала обратно. Я то и дело прислушивалась к тишине пустой квартиры и ждала звонка от Рустама. Но он не звонил.

Утром резкий вибрирующий звук на тумбочке заставляет меня подскочить на месте. «Рустам».

Наконец-то!

— Да, — голос звучит сонно, но я бодрюсь.

Поднимаюсь с постели и замираю, ожидая новостей.

— Проснулась?

— Да.

— А я вот даже не прилёг, Полина. Ни на минуту! — бросает он упрёк.

Я моргаю, пытаясь понять, не ослышалась ли. Мне показалось — или в его тоне и правда недовольство и раздражение? Но на кого? На меня?

Молчу. Мне не приходит в голову ни одна мысль, чтобы ответить бед обиды.

Что он хочет услышать сейчас? Чтобы я оправдывалась?

Но за что именно? За то, что отключилась на час под утро и не смогла физически не спать вместе с ним на расстоянии в сотни километров?

Я тоже толком не спала эту ночь. Тоже жила в ожидании звонка со страхом услышать то, к чему нельзя подготовить-

ся.

И если я на пару минут провалилась в сон, это не предательство. Это просто потому, что моё тело не железное.

Я ведь предлагала приехать. Я была готова сорваться в ту же секунду, как он сообщил мне о проблеме. Но он сам оттолкнул меня, приказав ждать.

Так в чём он сейчас меня обвиняет и заставляет чувствовать виноватой?

Я делаю вдох, стараясь говорить спокойно:

— Рустам, я ждала твоего звонка всю ночь. Скажи лучше, что там. Что с папой?

— Отец пришёл в себя, — произносит он уже гораздо спокойнее, без прежней резкости в голосе.

— Как хорошо… — у меня вырывается вздох облегчения. — Рустам, это ведь… хорошо? Что говорят врачи?

Он не отвечает сразу. Ждёт или сомневается?

Эти несколько секунд тишины тянутся невыносимо долго. Сердце уже подсказывает мне, что дальше последует что-то тяжёлое.

— Нет, Полина. Врачи сказали, что поскольку мозг задет, последствия неизбежны.

— Какие последствия? — Громко сглатываю, понимания, что они коснутся нас напрямую.

Быстро встаю с постели и начинаю ходить по комнате. Я не могу сидеть спокойно, когда моя нервная система вся словно на вулкане.

— У него не работает левая сторона. Точнее, рука и нога. Пока врачи не дают прогнозов, восстановится ли подвижность. Но это для моего отца настоящий шок. Сама знаешь, как он активный.

Я слышу, как Рустам тяжело вздыхает. Но самое главное для меня, что я в этот момент чувствую себя совершенно беспомощной. Я не представляю, как я могу помочь ему в эту минуту.

— Мне жаль, родной. Очень жаль! Мы что-нибудь придумаем, — шепчу я, пытаясь передать ему через километры свою поддержку. Голос дрожит, и я прикусываю губу, чтобы не сорваться на всхлип.

— Да, я знаю. Спасибо. Но слезами горю не поможешь. Полин, я сначала думал, что не буду тебя беспокоить, но теперь понимаю, что тебе придётся приехать сюда. Дамир позвонил и сказал, что выехал. Но ты сама должна понимать: мы мужики, а здесь нужна женщина.

— Да, конечно. Я побуду с твоим отцом, пока ты будешь заниматься административным вопросами. Только, Рус... Надолго я задержаться не смогу. На пару дней отпрошусь и… — бормочу я, пытаясь сохранить спокойствие.

— Какие пару дней, Полина? Как минимум рассчитывай недели на две! А то и на три, — в несогласии со сроками его голос снова набирает жёсткость.

— Рустам, погоди. Я не могу на дольше, — зачем-то пытаюсь объяснить очевидное.

— Причина?

— Странный вопрос. Я, вообще-то, работаю. У нас сейчас завал. Незапланированный отпуск просто невозможен. Меня никто не отпустит, и...

— Никаких «невозможно»! Случилась беда! Семья должна сплотиться! А женщина для этой семьи должна стать тылом, — мой муж, находясь в своём вечном амплуа строгого босса, даже не слушает мои доводы. — За отцом нужен уход. Нужно контролировать врачей и медсестёр.

Когда он говорит мне это, я чувствую, как внутри меня начинает закипать глухое возмущение и злость.

Конечно, я жена, и, конечно, я должна. Но это не означает, что Рустам имеет право говорить мне о моих обязанностях вот так вот — в приказном тоне.

Хотя, теперь мне всё чаще кажется, что он не замечает, как разговаривает со мной. Я ловлю себя на мысли, что наш брак всё больше похож на работу, где я подчинённая, а он — директор.

— Полина, я понимаю, что ты не хочешь, но кто-то это должен делать!

— И этот кто-то — я?

— Ну а кто же ещё? — он говорит это настолько уверенно, что, кажется: иного варианта мой муж не допускает.

— Например, его сын, то есть ты.

— А, ты про это. Конечно, мы всё будем делать это вместе. Но мы должны подстраховать друг друга.

Я не хочу сейчас обсуждать, кто что должен делать. Мы разберёмся на месте. Но Рустам, кажется, думает иначе. Он продолжает говорить такие фразы, которые вгоняют меня в ступор:

— Кроме того, давай будем справедливыми и честными: не сравнивай мой труд и свой! Мне вопросами здоровья отца заниматься некогда. На мне теперь будет целый холдинг. А у тебя всё иначе. Толку от твоей работы... Скажем так — совсем немного. Твои перекладывания бумажек с девяти утра до шести вечера — это не то же самое, что управление гигантом. Уверен: твоего отсутствия, в отличие от моего никто не заметит. Компания, в которой ты работаешь, не рухнет, даже если тебя там не будет целый месяц. Я прав?

Что мне ему ответить? Конечно, в своей сухой, математической логике он прав. Глупо и даже смешно сравнивать мой скромный доход с его. И да, мы оба знаем, что наш финансовый вклад совершено разный.

Но Рустама это всегда устраивало куда больше, нежели если бы я была карьеристкой.

Был период, когда я даже попробовала продвинуться по карьерной лестнице. Но муж мои стремления категорически пресёк, сказав, что я позорю его.

— Закончим разговор. Мы не понимаем друг друга. Я лишь говорила, что хотя бы неделю как минимум ты должен быть рядом.

— А дальше?

— А потом я неделю.

— А дальше?

— Прекрати этот допрос. Ты затеял этот разговор совершенно не вовремя.

— Я должен знать, что будет дальше. Я хочу быть уверен, что мой отец не останется без присмотра.

— Не останется. Мы можем нанять профессиональную сиделку. Я найду такую, которая будет с медицинским образованием, — в моей голове уже всё разложено по полкам. Я примерно представляю, как мы будем двигаться дальше.

После моих слов в трубке повисает тишина.

Рустама рядом нет, но я физически чувствую, как он сейчас закрывает глаза, сжимает губы и кулаки.

— Ты... Ты с ума сошла, милая?

Какое интересное сочетание слов: с ума сошла… милая… Не могу совместить их вместе.

— Почему? Я просто предлагаю вариант.

— Полина, я вообще не понимаю, почему мы это обсуждаем. Ты моя жена, и на этом можно ставить точку. Ты, когда выходила за меня замуж, знала, что такие вещи в моей стране, откуда я родом, неприемлемы! — отрезает он.

— Ты родился в России, — зачем я спорю с ним сейчас? Я, вероятно, на самом деле сошла с ума.

— Неважно! Главное, какая во мне течёт кровь.

С языка так и хотят сорваться слова «твоя мама русская!», но всё-таки я беру себя в руки и вовремя прикусываю язык.

— Не злись. Мы просто решаем вопросы.

— Здесь нечего решать. В республике, где я вырос и где живёт мой отец, не принято нанимать сиделок. Для ухода за родными есть дочери, невестки, жёны. Так как тебе не повезло, и ты единственная, кто остался у него из близкой родни женщин, ты обязана ухаживать за моим отцом.

Когда он говорит это, я больше не нахожусь что ответить. На его стороне правда и традиции, а на моей страх, что из-за болезни своего свёкра я лишусь собственной жизни.

— Ты молчишь. Значит, я прав. Собирай вещи, Полина. Завтра утром за тобой заедет водитель и отвезёт тебя в аэропорт.

Я даже не успеваю больше ничего сказать, как Рустам сухо прощается со мной и заканчивает разговор. В трубке раздаются короткие гудки.

Возвращаюсь в кровать и сижу несколько минут, уставившись в одну точку.

Я перевариваю всё, что сказал мне муж, и мой организм не хочет принимать его слова.

Ярость, обида и горькое чувство бессилия перемешиваются вместе, превращаясь в гремучий коктейль.

Больше всего меня возмутило то, что он даже не спросил: могу ли я сделать то, что он просит.

Зачем?! Не правда ли?!

Он просто назначил меня ответственной за жизнь его отца и собственное спокойствие. А на остальное ему плевать.

Глава 4

— Мам, — низкий голос сына заставляет меня вздрогнуть. Даже не замечаю, как в проёме двери появляется Амир. — Всё в порядке?

— Привет, сынок, — я стараюсь улыбнуться, но губы слушаются плохо. — Да как тебе сказать...

Наверное, нужно сказать сыну правду. Скоро мне придётся уехать к Рустаму, и на Амира лягут заботы о доме.

— Как там дедушка?

— Папа сказал, что неважно. Он пришёл в себя, но… левая сторона парализована. Рука и нога не двигаются.

Замечаю, что Амир заметно мрачнеет. Несмотря на суровость Арсена Теймуразовича, он любит его. Он всегда брал пример с деда и восхищался его силой духа.

— И как теперь?

— В каком смысле?

— Наша жизнь здесь, а дед там. Наверное, его нужно забирать в Москву?

— Пока ничего не знаю. Варианты, которые придумал твой отец, мне неизвестны. Но как он сказал, мне нужно вылетать в Махачкалу. Причём срочно.

Амир кивает, и, кажется, его эта новость совсем не расстраивает.

— Ты останешься один, — я разворачиваюсь к сыну и

пристально смотрю ему в глаза. — Справишься? Дом на тебе.

— Естественно! Меня ваше отсутствие не сильно беспокоит. И тебя не должно.

— Амир… Прошу тебя, пусть всё будет хорошо.

— Будет, мам, не переживай.

— И поменьше тусовок в доме.

— Это пройденный этап. У меня другие планы.

— Какие? Девушку приведёшь?

— Возможно, — пожимает плечами.

Понимаю, что сейчас не самое подходящее время говорить с ним по душам, но я пользуюсь моментом его открытости и продолжаю.

— Скажи, мне есть из-за чего волноваться?

— Нет.

— А мне кажется, что да.

— Почему тебе так кажется?

— Ты последнее время ведёшь себя очень странно. Пропадаешь где-то, закрываешься в комнате и разговариваешь с кем-то так, чтобы я не слышала тебя, — продолжаю говорить, внимательно изучая его лицо.

Амир резко опускает глаза, и по тому, как каменеют на лице его скулы, понимаю: сейчас я попала в самую цель.

Только что конкретно он скрывает от меня, я пока не понимаю.

— Амир, если у тебя появилась девушка, скажи мне, —

сама делаю шаг навстречу, намекая, что жду от него откровенности. — Это ведь нормально. Ты взрослый парень.

— Мам, отложим разговоры про девушек на потом.

— Хорошо.

Забываясь в разговоре с сыном, перевожу взгляд на часы и понимаю, что ещё несколько минут лишней болтовни и начну опаздывать на работу.

Сегодня мне никак нельзя этого допускать, ведь мне предстоит серьёзный разговор с руководством.

То, что будет происходить дальше — я знаю. Я совсем недавно была в отпуске, и теперь даже морального права не имею просить дополнительные дни отгулов.

Но Рустам прав: я обязана сейчас быть рядом с ним.

Еду на работу с тяжёлым сердцем. Я никогда не любила такие разговоры, где я должна чувствовать себя виноватой. Но сейчас это неизбежно.

Самый пик отпусков, я свой отгуляла, но снова иду просить о следующем.

В голове мелькает мысль попросить дни за свой счёт, однако разве это что-то изменит? Я всё равно буду отсутствовать, а мою работу кому-то нужно выполнять.

— Юля, здравствуй, — захожу в приёмную.

— Здравствуйте, Полина.

— Как дела?

— Да так себе. — Видя, как хмурится девушка, понимаю, что шеф уже испортил ей настроение.

Да, это не самое лучшее время идти с разговором к Антону Борисовичу, но другого варианта всё равно нет. Отложить поездку не получится, я нужна своему мужу.

Собрав всю волю в кулак, подхожу к массивной двери кабинета своего руководителя и громко стучусь. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

— Антон Борисович, добрый день. Можно?

— А, Полина. Проходите, — мой руководитель небрежным жестом указывает на стул, даже не поднимая головы на моё появление.

Однако я остаюсь стоять. Не хочу оставаться здесь надолго.

— Антон Борисович, я пришла с тяжёлым разговором. У меня в семье случилась беда.

Он хмурит брови и кивает. Никакого интереса к моей проблеме.

Антон Борисович ведёт себя так, словно я прервала его от отважных дел и моё присутствие здесь всего лишь досадная помеха.

— Я знаю.

— Знаете?

— Да. Ваши коллеги мне рассказали о ваших проблемах.

— Хм. Быстро.

— Ну, вероятно, потому, что люди предполагают, как события будут развиваться дальше? — он так и не смотрит в мою сторону.

— Да, вероятно. Тогда это к лучшему, что вы знаете. Получается, мне не нужно задерживать вас долго, и вы понимаете, зачем я пришла? Я…

— Нет, — отрезает меня на полуслове, наконец отрываясь от экрана. — А ещё я дальше даже слушать не хочу, что вы мне скажете.

Он наконец-то поднимает на меня тяжёлый взгляд. Смотрит с осуждением, но я не собираюсь сдаваться и отступать.

— Куда вы собрались? А о работе кто думать будет? Сейчас самый пик отчётности.

— Я всё понимаю. Но не могу поступить иначе. Семья... там всё очень серьёзно. Кроме меня некому. Моему свёкру нужна помощь в уходе, в организации лечения.

— А сиделки на что? Наймите профессионалов! У вашего мужа, насколько я знаю, нет проблем с финансами. Зачем превращать себя в того, кем вы по — сути не являетесь?

Мой рот невольно растягивается в несмелой улыбке. Послушал бы он, что говорил мне утром муж по поводу сиделки… Он, вероятно, очень бы удивился, как его взгляд на эту тему отличается от взгляда Рустама!

— Беда только случилась. Прошли сутки. Мне нужно время.

Я говорю с Антоном Борисовичем уверенно и без запинки. В конце концов, я не обязана стоять и оправдываться перед ним. Жизнь намного шире, чем его планы, и я не единственная, кто может решать те вопросы, которые решала я.

— И на сколько дней вы планируете уехать?

— Я... я не могу сказать точно. Пока начну с двух недель. У меня осталась часть отпуска, и если вы позволите, пока оформлю его. А затем...

— А что может быть «затем», Полина? — Антон Борисович перебивает меня, резко подаваясь вперёд.

Понимаю, что ляпнула лишнего. Это «затем» не сулит ничего хорошего. А в свете того, что мой руководитель и так мной недоволен, боюсь моё «затем» приведёт к увольнению далеко не по собственному желанию.

— А затем я буду думать. Но я уверена, что мы решим вопрос с сиделкой! — пытаюсь я исправить ситуацию, однако, чувствую: мои слова звучат неубедительно.

— Полина, послушайте меня внимательно, — голос руководителя становится беспощадным. Я очень отчётливо чувствую, что в его разговоре нет места человеческому сочувствию. — Я готов пойти вам навстречу, но ровно один раз. Один! — он поднимает палец и показывает его мне, словно я не понимаю значения этого слова.

— Хорошо.

— И это происходит только потому, что вы лучшая из специалистов в своём деле! Даю вам две недели за свой счёт.

— Я поняла.

— Передайте все дела Антонине.

— Спасибо, — радуюсь, что разговор подходит к концу.

— Пожалуйста. Знаете, Полина… это, конечно, не моё де-

ло, но на вашем месте я бы не рисковал блестящей карьерой ради… — я вижу, как он делает демонстративную паузу, словно хочет показать мне, как тщательно подбирает слова, — ради старика. И вообще…

Во мне тут же вспыхивает гнев. Этот старик — мой свёкор. И даже если я не во всём согласна со своим мужем, совершенно точно не его дело давать мне советы по поводу моей семьи!

— Я вас услышала, — отрезаю в ответ грубой фразой его желание продолжать. — Но я очень надеюсь, что разберусь сама.

Не прощаясь, разворачиваюсь и выхожу из кабинета.

Глава 5

Захожу в свой кабинет и опускаюсь в кресло. Внутри пустота.

Мне достаточно проблем дома, и я не хочу дополнительных здесь.

Несколько минут листаю свой календарь и думаю о тех делах, что смогу максимально выполнить сегодня сама.

Дверь распахивается без стука. Резко, порывисто. Моя коллега заходит в кабинет и даже не смотрит в мою сторону.

В воздухе сразу начинает искрить напряжением.

— Привет, — чувствую, что она не в духе, и понимаю, что мне всё-таки придётся объясняться. — Тонь…

Она молчит, демонстративно включая компьютер.

— Ты слышишь? Я поздоровалась!

— Слышу. Привет. Полин, я не успела зайти на работу, а меня уже шеф вызвал. Ты случайно не знаешь - зачем?

— Знаю, — я не планирую притворяться.

— Знаешь, значит… — фыркает она. — Дай догадаюсь: тебе нужны отгулы, и он решил повесить все твои дела на меня?

Она складывает руки на груди и смотрит на меня взглядом, полным негатива.

Киваю и отмечаю, что Тоня сейчас не та милая девушка, которая предлагала мне помощь вчера. Теперь это совер-

шенно другой человек.

— То, что я сижу с тобой в одном кабинете, не означает, что я обязана за тебя работать!

— Я в этом не виновата.

— Не виновата она! — закатывает глаза и передразнивает меня. — Как у тебя всё просто!

Её слова обижают меня. Это у меня-то всё просто?! Да я бы многое отдала, чтобы вот так, как сказал мой муж: продолжать приходить на работу к девяти и планировать свою жизнь без оглядки на проблемы!

Но разве она услышит меня сейчас?

Ссориться не хочу, поэтому стараюсь говорить как можно спокойнее:

— Что не так, Тоня? Разве не ты вчера обнимала меня и предлагала разделить со мной тяготы моей беды? Или как реально мне потребовалась твоя помощь, ты передумала?

— Да, но… Я не думала, что тебе хватит совести скидывать на меня свою работу!

— А как тогда ты собиралась разделять со мной тяготы моей беды? Просто сочувственно вздыхать со мной в обеденный перерыв и обмусоливать с разных сторон ситуацию?

Я быстро отворачиваю лицо, пряча глаза, потому что мой предел на сегодня достигнут и эмоции бьют через край.

Она ничего не отвечает. Но мне и не нужно.

Я прекрасно понимаю, что её поддержка была не больше, чем пустая болтовня. Она готова была обсудить со мной про-

блемы, поболтать, разнести потом сплетнями по офису.

Но такая поддержка мне не нужна.

— Я постараюсь максимально закрыть сегодня все дела, и тебе останется не так уж много.

— О! Даже так! Ну, тогда отлично! — Тонины губы кривятся в едва заметной презрительной усмешке.

Ну вот и поговорили. Пока я не хочу думать об этом, но как мы будем работать вместе в одном кабинет после такого, я не знаю.

Человек одним поступком лишил меня всяческого уважения к ней. Хотя, впрочем, я вижу, что её то не очень волнует.

Определив для себя план работы, достаю мобильный и открываю приложение авиакомпании.

Ищу ближайший рейс Москва — Махачкала.

Из всех вариантов выбираю тот, что через шесть часов.

Закончив все дела и стараясь не опоздать на рейс, я передаю документы Тоне и спешу к вызванному такси.

Переключаясь на монотонный пейзаж за окном, я стараюсь думать о том, как помочь Рустаму и при этом не потерять свои силы и здоровье.

Замечаю входящий. Рустам.

— Привет. Ну что, как дела?

— Всё нормально.

— Ты едешь?

— Да. Я вылетаю.

— Понял. Ладно, жду тебя.

Больше он ничего не говорит, и, быстро попрощавшись, сбрасывает звонок.

Я делаю глубокий вдох, усмиряя клокочущую внутри обиду, и убеждаю себя, что поведение Рустама не повод плакать.

А всё равно хочется!

Он ведь даже не спросил меня, как отреагировал мой босс на то, что мне пришлось выпрашивать дни, как я сама чувствую себя при этом. Ему словно… наплевать!

Махачкала встречает меня запахом моря и гор, смешанным с тяжёлым ароматом бензина и специй.

Каждый шаг по асфальту отдаётся лёгкой усталостью в ногах после перелёта, а я невольно оглядываюсь по сторонам, втягивая ноздрями этот непривычный коктейль.

Выходя из аэропорта, замечаю Дамира. Он стоит, облокотившись на капот своего внедорожника, скрестив руки на груди.

Когда только наши глаза встречаются уголки его губ слегка приподнимаются в сдержанной улыбке. Он открывает дверь машины, приглашая сесть, не отводя от меня взгляда.

— Привет, — удивлённо смотрю на него, — а ты здесь откуда?

— Привет. Решил встретить тебя.

— Спасибо. Неожиданно. А мне Рустам ничего не говорил.

— Я сам решил тебя встретить. Он сказал мне, что ты доберёшься на такси. Но я с этим не согласился.

После слов Дамира становится не по себе. В душе снова расправляет плечи обида от равнодушия мужа.

И здесь Рустам не подумал обо мне! Не позаботился о том, как я доберусь до больницы.

Вероятно, со всеми бытовыми трудностями я обязана справляться сама.

Несмотря на то что настроение испорчено, я стараюсь не показывать этого Дамиру.

Зачем ему знать, что между нами с мужем растёт пропасть? Совершенно точно — ни к чему!

В машине мы едем молча, каждый в своих мыслях.

Дамир всегда был таким: молчаливым, сдержанным, упрямым. Но мне это всегда очень нравилось в нём.

Мы познакомились с ним одновременно с Рустамом, и он всегда оставался для меня загадкой.

Пока Рустам, душа компании и любимец фортуны, охмурял девчонок направо и налево, Дамир держался в тени.

Если Рустама я могла назвать пламенем, то Дамира — айсбергом.

Я до сих пор помню тот шок, который испытала на студенческой вечеринке, узнав, что они родственники.

Мне трудно было представить этих двух людей вместе, потому что они всегда были как два разных полюса.

— Состояние дяди тяжёлое, — начинает говорить Дамир первым, и я вижу, как нелегко даются ему эти слова.

— Да, я поняла.

Двоюродный брат мужа бросает на меня короткий взгляд, в котором читается откровенное сочувствие.

— Дамир...

— Что?

— Говори, — мы оба понимаем, что он что-то недоговаривает.

— Рустам на взводе. Тебе стоит быть к этому готовой.

— Ничего нового. Он всегда, когда волнуется на взводе.

— Тогда, может, тебе не стоило приезжать?

— Прости… Не поняла…

— Зачем ты приехала, Полина? — поворачивается ко мне и сверлит меня взглядом.

Он выглядит сейчас каким-то очень недовольным, но я не понимаю, в чём дело.

— Как — зачем? Я должна быть рядом со своим мужем.

— А, ясно, — кивает.

— Я обязана помогать. А в твоей семье разве не так?

— В моей? — он словно не понимает меня.

— Ну да. Если бы у тебя случилось подобное горе, разве твоя жена не была бы рядом?

— На мой взгляд все самые трудные вопросы должны решать мужчины.

— Ясно. Только, Дамир, я ведь не спрашивала твоего совета: приезжать мне или нет! Правда? — злюсь на его мнение и отворачиваясь к окну.

В груди всё горит от возмущения, и я выплёскиваю это на

того, кто оказался рядом.

— Да, я понял. Только чем я тебя обидел? Простым вопросом? Полинка, чего ты вспыхнула как спичка?

— Потому что ты лезешь не в своё дело!

— Вот ведь... дикая! Но я не удивлён. Ты всегда была девушкой с характером, — даже не видя его лица, чувствую, как он улыбается, и я тоже не могу сдержать улыбку. — Но мне в тебе это очень нравилось.

Становится стыдно. И правда, чего я на него набросилась?

Наверное, это волнение, а ещё раздражение, которое я несу в себе с того момента, как случилась трагедия.

Вся моя семья на взводе, и я даже сама не заметила, как превратилась в натянутую пружину.

— Прости, — тихо прошу Дамира.

— Забудь. Я всё понимаю. И, Полин, мы справимся.

Эти слова, по моему мнению должен говорить мой муж, а не его двоюродный брат. Однако Рустам скорее предпочтёт нагнать скорби к ситуации, нежели поверить в то, что всё будет хорошо.

Когда мы подъезжаем к больнице, запах лекарств и тревоги встречает нас уже в коридоре.

Дамир уверенно ведёт меня к палате и открывает дверь.

Рустам, естественно, здесь, с отцом. Замечаю, что он выглядит измотанным и дёрганным.

— Спасибо, что съездил за ней, — жмёт брату руку мой муж. — Дальше мы сами.

«За ней»? А имя у меня есть?!

— Я всегда готов помочь, — Дамир переводит взгляд на меня и дружелюбно кивает.

— Через сколько часов у тебя самолёт?

— Через пять. Но если я нужен…

— Нет, мы сами справимся.

— Я до самолёта поработаю? Ты не против? — Дамир кивает на свой портфель с ноутбуком.

— Нет, конечно, садись. Ты никак нам не помешаешь.

Дамир кивает, садится на диван и отвлекается на работу.

— Вот, погляди, что нам предстоит пройти, — он кивает в сторону Арсена Теймуразовича. Ни «здравствуй», ни «как долетела».

Перевожу взгляд на свёкра и замираю. Я даже представить не могла, что он будет в таком состоянии.

Волевой, жёсткий человек, который одним взглядом мог заставить замолчать всех до одного, теперь выглядит пугающе хрупким и болезненным.

Несмело подхожу к кровати.

— Амир Теймуразович, здравствуйте, — тихо обращаюсь к нему, не зная, как себя вести.

Слова застывают в горле, но я понимаю, что я должна что-то сказать. Как минимум поздороваться.

Я уверена, что он слышит меня, и в подтверждение этого он открывает глаза и смотрит на меня.

А следом кивает и улыбается.

Глава 6

— Здравствуй, Полечка, — говорит свёкор еле слышно.

— Как вы себя чувствуете?

— Я поправлюсь, — слабой, дрожащей рукой он тянется ко мне, и я вижу, как каждое движение даётся ему с огромным трудом.

— Обязательно! Я верю в это, — стараюсь говорить так, чтобы голос не дрогнул.

Я осторожно беру его руку в свою. Впервые в жизни я наклоняюсь и целую руку мужчине.

Мои губы касаются его пальцев, и в этот момент я чувствую, как внутри всё сжимается от нежности и боли.

Аслан Теймуразович продолжает улыбаться мне и слабо кивает. У меня складывается впечатление, что он пытается приободрить меня, хотя сам едва держится.

Я хочу, чтобы он, как прежде, показал мне силу духа, но он настолько слаб, что его ладонь почти не отвечает на моё пожатие.

— Всё будет хорошо, — в его глазах мелькает тихая благодарность.

— Обязательно.

— Аслан Теймуразович, простите меня… — даже не знаю, зачем говорю эти слова. Не помню, чтобы я была перед ним в чём-то виновата.

— И ты меня. Я не хотел… — недоговорив, снова закрывает глаза.

— Отцу дали лекарство. Он сейчас заснёт, — подходит ближе Рустам и тихо поясняет мне слабое состояние свёкра Рустам.

Увидев свёкра в таком состоянии и от пережитого потрясения, я не могу сдержать слёз и начинаю плакать навзрыд.

Мне жаль всех: и его, чья жизнь в одночасье превратилась в борьбу за каждый вдох, и мужа, чьё лицо превратилось в непроницаемую маску, и даже саму себя!

Почему себя? Да потому что я совершенно не знаю, как нам жить в этом новом, сломанном мире.

— Прекрати, — тихо, но довольно грозно говорит мне Рустам и больно сжимает мой локоть. — Не позорь меня перед отцом и Дамиром!

Вспоминая, что мы не одни, я перевожу взгляд на брата мужа и быстро начинаю вытирать слёзы.

— Прости, — отворачиваюсь и выхожу из палаты.

— Рустам, не нужно так с ней, — успеваю услышать, как Дамир довольно жёстко делает замечание моему мужу.

— Давай я сам разберусь, как мне вести себя с моей женой! — грубо отрезает мой муж в ответ.

Чувствую себя виноватой. Ещё не хватало, чтобы они поссорились из-за меня.

Выйдя из палаты, иду вглубь больничного коридора и сажусь на пластмассовый стул. Здесь меня вряд ли будут обра-

щать внимание, и я могу дать волю неожиданно вырвавшимся чувствам.

— Полина, я позвал тебя не для того, чтобы ты здесь сопли распускала, — неожиданно оказывается рядом Рустам.

— Да, я понимаю. Просто я никогда не думала, что увижу Амира Теймуразовича таким… беспомощным!

— Я тоже не рассчитывал на это. Но теперь так и иначе другим мы его увидим нескоро. Врачи говорят, что он встанет, но реабилитация будет долгой.

— Мы выдержим, Рустам, — забыв собственные обиды, я не сдерживаюсь, встаю и обнимаю мужа, желая дать ему хотя бы каплю того тепла, в котором он, как мне кажется, нуждается.

Рустам на мгновение замирает, но потом крепко обнимает меня в ответ.

Да, всё так, как я думаю. Он устал, он разбит, он потерян. Только показывать этого не хочет. Даже мне!

— Конечно, выдержим, — тихо говорит, уткнувшись в мою шею.

Мы несколько минут стоим так, крепко обнявшись, не обращая внимания на проходящих мимо людей.

Я чувствую, что Рустам мне хочет что-то сказать, но молчит. Вероятно, ждёт, пока я окончательно успокоюсь.

— Это не всё? Тебя ещё что-то беспокоит?

— Да. Меня беспокоит вопрос, как ты будешь здесь одна.

— Одна? — поднимаю на мужа глаза в непонимании.

— Да. Поля, боюсь, пока что тебе придётся справляться одной.

— То есть? — отстраняюсь. Не очень понимаю, о чём он говорит.

— Мне срочно нужно вернуться на работу.

— Но…

— Не удивляйся. Реалии таковы, что я связан по рукам и ногам.

— Погоди, какая работа? Он твой отец! И ему тоже нужна помощь! — чтобы не говорил мне сейчас муж, я считаю, что как раз ситуация с Арсеном Теймуразовичем связала нас по рукам и ногам.

— Полина, пожалуйста! — повышает тон Рустам, и от прежней нежности не остаётся и следа. — Как я могу ему помочь, кроме того, что оплатить лучший уход?! Я что, врач? Реабилитолог? Медицинская сестра?!

— Да, но прошли всего сутки, а ты...

— Какая разница, сколько прошло времени? Мне нельзя оставлять дело. Отец отошёл от них и теперь всё окончательно ляжет на мои плечи. Неужели ты этого сама не понимаешь? А я точно знаю, что без меня эти щенки ничего решить не могут!

— А обо мне ты подумал?! Я смогу здесь всё решить сама? Я думала, мы разделимся, и…

— Не будь эгоисткой! Причём здесь ты?

— Но я тоже никогда не была в такой ситуации.

— Ты справишься! Ты сильная! Как раз в тебе я не сомневаюсь! — он говорит это таким тоном, словно я должна верить в это безоговорочно.

— Мне расценивать это как похвалу?! — срывается с моих губ сарказм.

— Как хочешь. Ты, главное, не переживай. Пока отец лежит в больнице, я полностью оплатил уход за ним. Но контролировать нужно всё! Сама знаешь, как бывает. Денег заплатишь, а потом выясняется, что они и не ухаживают толком.

— То есть ты вызвал меня, чтобы я контролировала… дневную и ночную сиделку?! — внутри меня всё кипит. Ещё немного и я начну свистеть как чайник от своего внутреннего возмущения.

— Не только. Но и врачей. Но и медсестёр. Я не знал, что так получится. — Рустам говорит эти слова довольно убедительно. Но почему-то я ему не верю.

— Ты вчера говорил, что сиделка это...

— Я помню, что я говорил. Но пока мы в больнице ничего страшного. Здесь это нормально.

— Ну пока ты будешь работать здесь, в Махачкале, ты же будешь хотя бы по вечерам приезжать?

— Когда мне?! Я покушать-то забываю, а ты мне ещё после долгого рабочего дня ещё сюда тащится предлагаешь?!

— Рустам, это твой отец! Он нуждается в тебе!

— Поля, я прошу тебя, давай закроем тему! Если я сейчас

поведусь на эти эмоции, как ты, всё может полететь в бездну! Отец строил наш бизнес пятнадцать лет! Он первый меня проклянёт, если я всё пущу дело. И как, по-твоему, это смогу объяснить? Скажу: извини, папа, я сидел у твоей кровати и держал тебя руку?

Он говорит это так убедительно, так «правильно», что на мгновение я сама начинаю чувствовать себя виноватой за свою «эмоциональность».

Не успеваю ничего ответить, когда муж снова обнимает меня. Крепко, сильно, так, что от этих объятий начинает не хватать воздуха.

Я не сопротивляюсь. Рустам слишком редко проявляет свои чувства, и сейчас у меня есть возможность схватить кусочек его тепла.

Мой муж всегда стеснялся своих эмоций, если это касалось любви или нежности. Но сегодня он позволяет себе их. Причём посреди больничного коридора, где то и дело появляются люди.

— Поля, — он чуть отстраняется и берёт меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза. В его зрачках растерянность и боль. — Я не могу довериться никому кроме тебя. Если бы у меня был выбор, поверь, я никогда бы не положил на твои плечи эту ношу. Но выбора у меня нет.

Я делаю глубокий вдох, понимая, что он прав. Сейчас если не он, то кто ещё может быть рядом с родным человеком? Естественно — я. Поэтому без вариантов.

— Хорошо, — шепчу я, закрывая глаза. — Я всё сделаю. Но дальше… Рустам, у меня две недели.

— Врачи говорят, что две недели достаточно, чтобы принять решение о будущей реабилитации. Вероятность транспортировки отца в Москву крайне велика.

— А дальше? — да, я хочу услышать от него про то, что он согласится с сиделкой.

— А дальше… — он запинается, потому что, вероятно, так далеко он не думал.

Ну, это для него может быть далеко, а для меня это совсем близко. Его-то, в случае невыхода на работу никто не уволит. А меня в два счёта.

— А дальше будем думать.

Глава 7

СПУСТЯ ДВЕ НЕДЕЛИ

Рустам улетел утром следующего дня.

Прощание вышло скомканным: сухой поцелуй в висок и наставления, как я должна общаться с его отцом и персоналом. Вот, пожалуй, и всё.

Ночь перед его отлётом мы почти не спали. Мы лежали спина к спине и молчали каждый в своих мыслях.

Я убеждала себя, что всё это временно. А о чём думал мой муж — осталось для меня загадкой.

Дни прекратились в один. Потихоньку Амир Теймуразович начинает крепнуть и понимать, что теперь он столкнётся с реальностью в виде собственной беспомощности, и жёсткий характер проявляется всё острее.

А это значит, что всем нам будет непросто.

Диагноз подтвердился, и левая сторона тела теперь живёт своей жизнью.

Рука висит плетью, а нога — это отдельная боль как для него самого, так и для меня, видящей его растерянность.

Естественно, мой свёкор старается не показывать свою боль чужим. Но я — то никуда не делась!

Любая неудача, даже самая маленькая сопровождается или грубым срывом или молчанием.

Любые страдания, которые он испытывает, летят рикоше-

том именно на меня.

Да, он часто старается не показывать насколько ему тяжело, но его боль в глазах всё равно оседает в моём сердце.

Рустам звонит каждый день и спрашивает, как отец.

Я монотонно отчитываюсь о том, что состояние стабильное, а ещё о том, как мой свёкор поел, как общался с лечащим врачом и как проходит день.

Рустам, иногда как, мне кажется, относится ко мне скорее, как к персоналу, нежели как к жене.

Не понимаю этой обязательной отчётности перед ним. Да и должна ли я это делать?

— Ну что, Амир Теймуразович, готовы к выписке? — заходит главный врач с утра в палату.

— Как? Уже? — растерянно смотрю на него.

— Да. Все показатели по данному диагнозу в норме. Теперь требуется только реабилитация. Вы думали о ней? — поворачивается ко мне.

— Думали.

— Правильно. Здесь есть реабилитационный центр…

— Нет, здесь нам не нужно. Сын заберёт меня в Москву, — перебивает доктора мой свёкор. — В столице для меня всё готово.

Смотрю с удивлением на Амира Теймуразовича и понимаю, что он… врёт!

Сам он не раз говорил с сыном по телефону, но никто не обсуждал его реабилитацию.

Об этом, в том числе, не говорил и сам Рустам.

— Отлично! У вас прекрасный и заботливый сын!

Свёкор расцветает в улыбке и кивает ему несколько раз в подтверждение этих слов.

Пока они продолжают обсуждать Рустама, я пользуясь моментом и незаметно выскальзываю в коридор.

— Алло, привет, — набираю мужу.

— Привет. Ну как там дела у отца? Я хотел позвонить позднее.

— Рустам, завтра твоего отца выписывают, — начинаю я с места в карьер, игнорируя его дежурные вопросы. Я не трачу время на прелюдии. Я устала. Я чертовски устала за эти недели.

— Знаю, — коротко отвечает мне, и у меня появляется надежда, что и об остальных вопросах он тоже знает. — Врачи прислали мне отчёт о его успехах и сказали: динамика положительная. Я доволен тобой. Ты молодец, Полина. Я же говорил, что под твоим присмотром персонал будет работать лучше.

Его похвала раздражает. Когда он говорит мне эти слова, я чувствую себя не частью его семьи, а идеальным менеджером, решающим трудные задачи.

— Полин, ты здесь?

— Да.

— А чего тогда молчишь?

— А что сказать? Когда ты мне говоришь такие слова, эта

похвала смахивает на то, что ты хвалишь своего работника, а не жену. Я в тебе не сомневался, я знал, что ты можешь и так далее, — слегка передразниваю мужа. — Только у меня на фоне этого возникает вполне неприятный вопрос: а если бы не могла Рустам?

— Не передёргивай. Я руководитель, и я так привык разговаривать с... — резко замолкает. Но я понимаю, какое слово он собирался сказать.

— С подчинёнными, — заканчиваю за него. — Только я не твоя подчинённая, а твоему отцу я вообще не нужна. Ему нужен ты! Он хочет видеть рядом не меня, а тебя.

— Всё это лирика. Ему нужен хороший уход и ничего другого.

— Ладно, я поняла. Когда ты нас заберёшь? — задаю один из главных для меня вопросов. — Ещё пару дней и мне нужно возвращаться на работу.

— Пока не знаю.

Я замираю посреди широкого коридора.

Мимо проходит медсестра, что-то говорит мне, но я не слушаю. Я слышу только холодное «не знаю».

— Как это не знаешь? Рустам, мне на работу через два дня.

— Это не должно тебя волновать.

Я перестаю понимать смысл слов, которые он произносит. Секунда, другая… и я, наконец, нахожу в себе способность издать звук:

— Что… — произношу я и слышу, насколько это жалко звучит.

— Полина, я прямо чувствую, как ты замерла и не дышишь! — смеётся легкомысленно в трубку Рустам. — Я просто забыл тебе сказать, что ездил вчера к твоему боссу, и мы договорились ещё на пару недель твоего отсутствия. Он всё понимает. Для него, так же как для нас с тобой семья — это святое.

Сказать, что я растеряна — это значит ничего не сказать. Я даже возразить сразу же не могу, настолько обескуражена этой новостью.

Он что, без моего ведома решил, что я должна делать? А не слишком ли много он на себя берёт?!

— А я разве тебя просила об этом?

— Нет, но я не хотел, чтобы ты напрасно нервничала от ненужных разговоров с ним, поэтому взял его недовольство на себя. Так что не благодари, я всё сделал.

— Ясно. — Хочется сорваться на Рустама, но вместо этого я делаю тяжёлый вздох. Я сейчас помню главное: для этого не место и не время. — Твоего отца выписывают завтра. Ты должен прилететь и решить вопрос с перелётом в Москву. Каким бортом ты будешь его перевозить — решай сам. И ещё: ищи сиделку, — чеканю я, не желая больше продолжать этот разговор.

В трубке воцаряется тяжёлая и длительная тишина. Я понимаю, что Рустам явно не ожидал такого тона от меня. Но

на мой взгляд, он переходит все границы, а я не хочу ему позволять этого делать.

Особенно когда вдруг он придумал, что всё может решать за меня.

Пару недель назад я даже подумать не могла, что мне придётся разговаривать с мужем в таком тоне. Но Рустам, видимо, решил, что раз я уступила ему с двумя неделями сейчас, значит, уступлю снова.

— То есть ты всё-таки решила вернуться в пыльный офис?

— Да! И я имею на это право.

— Полина, у тебя кроме прав есть ещё и обязанности. Ты помнишь об этом?

— Конечно. А ты? Не хочу ссориться, но я готова помогать тебе в восстановлении твоего отца, а не быть ему сиделкой.

— Хорошо. Раз ты так решила, значит, так и будет. Но учти, если отцу не понравится идея с появлением чужих людей в доме, ты будешь объясняться с ним сама! И контролировать их ты тоже будешь сама!

Рустам, не прощаясь, нажимает на отбой, а я продолжаю стоять посреди коридора не понимая, откуда в Рустаме появилось столько эгоизма.

Хотя, может, он был и раньше. Просто я не замечала этого.

Глава 8

СПУСТЯ ДВА МЕСЯЦА

Жизнь потекла своим чередом, и она оказалась такой, какой я её боялась.

До того момента, пока мы жили втроём, она не была идеальной, но она была вполне счастливой.

Рустам, несмотря на свой далеко не лёгкий характер, никогда не ограничивал меня в тратах, встречах с подругами или походами с ними в ресторан.

И, самое, пожалуй, важное — мы редко ссорились, умея договариваться.

Теперь каждый раз, когда мы видимся, между нами словно война. Только я не знаю, в какой именно момент я превратилась в его противника.

Каждое утро я открываю глаза с одной и той же липкой мыслью: «Что ждёт меня сегодня?». Внутри меня всё сжимается в ожидании новой волны капризов свёкра и предстоящего скандала.

Казалось бы, профессиональная сиделка должна была стать моим спасением и билетом в частичную свободу. Но на деле всё выходит с точностью до наоборот.

Теперь мне приходится наблюдать не только недовольство моего свёкра, но и расстроенное лицо девушки.

Мой график жизни расписан по минутам. Сиделка, моло-

дая женщина по имени Ольга, приходит каждый день в восемь утра.

Я встречаю её в коридоре, и мы разговариваем о самочувствии Амира Теймуразовича.

Не знаю, для вида или действительно подходя к работе ответственно, она всё тщательно записывает и кивает мне.

Однако, возвращаясь вечером, каждый раз я встречаю упрёки своего свёкра, что ему наняли безответственных людей и у нас нет совести и чести.

Конечно, он больше говорит про своего сына, но поскольку его часто нет, льётся это всё на меня.

Сегодня я не выдерживаю и, подойдя к Ольге, спрашиваю у неё откровенно: что происходит?!

Она опускает глаза и молчит.

— Говорите, — настаиваю.

— Я не могу угодить ему, — начинает жаловаться шёпотом. — То ему чай слишком горячий, то подушка не так лежит, то я слишком громко дышу. Вчера вообще заявил, что я не умею делать уколы.

Я верю ей. Причём, без всякого сомнения.

Почему? Да потому что подобные претензии он предъявляет мне каждые выходные.

Глядя на растерянность девушки, мне хочется обнять её, но вместо этого я прошу терпеть и работать дальше.

— Вы не выгоните меня? — спрашивает меня, поглядывая в сторону спальни, где лежит свёкор.

— За что?

— Ну как же… Я не устраиваю вас как работник.

— Нет, не выгоню. Иди и спокойно работай. А если у него снова будут претензии, говори мне.

Смотрю на часы. Сегодня мне нужно успеть выполнить кучу дел. И все они связаны с семьёй.

Сегодня прилетает из очередной командировки Рустам, а значит, в доме должен быть порядок и домашняя еда.

Только я не готова сегодня выполнять даже такие простые действия.

Муж возвращается из очередной поездки взвинченный. Он входит в дверь с усталым лицом, ставит чемодан посреди коридора и сразу идёт к отцу.

Я мою посуду на кухне и прислушиваюсь, что в очередной раз заявит мой родственник.

Мне хочется надеяться, что Амир Теймуразович не будет жаловаться на Ольгу. Но надежды летят прахом, как только он открывает рот.

— Нельзя допускать, чтобы за мной ухаживали другие люди. Это неправильно, сын.

Я выключаю воду и подхожу к комнате. Я не прячусь, я стою недалеко, и Амир Теймуразович видит меня.

— В чём проблема, пап? Сиделка профессионал и она знает своё дело.

— Раз меня не устраивает, значит, не такой уж профессионал!

— Да, но найти другую проблема. А мы с женой уже и так вымотались и очень устали. Пожалей нас, папа.

Даже не глядя в глаза своего свёкра, я понимаю, что принимать такой аргумент он не собирается и никакой жалости не испытывает.

— Проблема в том, что в нормальных семьях есть правила.

— Что за правила? — тяжело вздыхает мой муж, и я чувствую, что он еле сдерживается, чтобы не сорваться.

— Сын, не прикидывайся дураком! Правила очень просты. Если случилась беда, ухаживает родная кровь. Не чужие тётки, которые приходят по часам и уходят. А только свои.

— Полина работает. Она не может бросить работу. Моя жена уже в том возрасте, когда устроиться будет намного сложнее.

— А разве я о ней говорил? — зло и без всякого стеснения бросает в ответ мой свёкор. — Мне нужно, чтобы ты рядом был. Сын, переведи всю работу на заместителей и пока не поздно, будь со мной и семьёй.

— Папа, что ты говоришь? Я что тебя за ручку по дому должен водить вместо сиделки?

— Если нужно будет, значит, будешь водить! — не унимается свёкор.

— Но я и так как только приезжаю домой, стараюсь максимально быть с тобой.

— Мало! — не соглашается мой привередливый свёкор.

— Ладно, давай я найму ещё одну сиделку! А хочешь, мужика найду, если нужна физическая сила.

— Нет, мне не нужна сила. Мне нужно твоё присутствие рядом.

Слушая недовольства свёкра, я продолжаю стоять с тарелкой в руках, и волна ярости поднимается от живота к горлу. Сжимаю стекло до боли в руках и прикусываю губы от обиды.

— Я подумаю, что можно сделать. А теперь позволь мне принять душ и покушать.

Рустам быстро выходит из комнаты, сталкиваясь со мной.

Он ничего не говорит, только хмурится и, не останавливаясь, проходит мимо.

Муж заходит на кухню, садится и начинает кушать.

В помещении витает тяжёлая атмосфера, но я стараюсь не обращать на это внимания.

— Как командировка? — задаю дежурные вопросы.

— Нормально.

— Я рада.

— Чему?

— Что у тебя всё хорошо. Это даёт мне надежду, что ты пару недель дома побудешь дома и никуда не уедешь из Москвы.

— Не в этот раз, — говоря эти слова, муж даже не смотрит на меня.

И снова очередной шок. Чем удивит меня Рустам на этот

раз?

— Почему? — во мне начинает закипать негодование.

— Так сложилось.

— А если подробнее.

— Полина, хватит допросов! — не выдерживает и бросает вилку на стол. Она с громким стуком отскакивает от стола и падает на пол.

Рустам отодвигает от себя тарелку, и она так же, как и вилка оказывается на полу.

— Во зараза! — отпинывает её в злости. — Хотя невелика потеря. Еда сегодня ужасная. Ты разучилась готовить?

— Нет. Еда из ресторана. Вероятно поэтому она кажется тебе непривычной.

Рустам с удивлением поднимает на меня глаза.

— Откуда?

— Из ресторана.

— А почему она из ресторана?

— Наверное, потому, что я устала и не захотела готовить! Такую мысль ты не допускаешь?!

Бросаю на стол кухонное полотенце и ухожу в нашу новую спальню, которую мы сделали из кабинета.

Мне не хочется разговаривать с мужем дальше. Да и о чём.

Не нравится, пусть готовит сам. А у меня уже не осталось сил на то, чтобы угодить каждому.

Ложусь на кровать и смахиваю бегущие слёзы.

Иногда мне кажется, что с того момента, как мой свёкор

переехал к нам, наш дом превратился в… клетку.

Она стала таковой не только для него самого, но для меня, и для остальных членов семьи.

Единственный, кто порхает как горный орёл над ситуацией — это мой муж.

Его вечно не бывает дома, и он вечно занят делами.

— Поль, я понимаю, что тебе сложно, — заходит в комнату и садится рядом. — Но что делать? Такой период.

— Да, сложно.

— Я не знаю, чем ещё помочь. Кроме того, я пошёл тебе навстречу и нанял сиделку, что ещё от меня нужно?

— Мне навстречу?! — резко поворачиваюсь к нему и не могу сдержать своего возмущения.

— Да.

— Он твой отец, ты делал это ради него, а не ради меня.

— Пусть так. Но всё равно вы оба злитесь на меня, словно я перед вами в чём-то виноват. А я всего лишь пытаюсь угодить всем! — голос его срывается, становится громче.

Рустам, выразив своё негодование, встаёт с кровати, на ходу скидывает с себя рубашку, обнажая напряжённые и на ходу сбрасывая одежду, скрывается в ванной.

Дверь за ним закрывается с тяжёлым щелчком.

Проходит больше часа — я слышу только шум воды, который то затихает, то возобновляется снова.

А я в это время меряю комнату шагами и не могу успокоиться. Сердце прыгает в груди со странным предчувствием

катастрофы.

Не могу больше ждать. Подхожу к двери ванной и несмело стучусь:

— Рус, у тебя всё в порядке?

— Да. Мне просто тоже нужно побыть одному. Я скоро выйду, Полина.

Он говорит со мной таким тоном, словно я разочаровала его. В нём нет ни капли тепла или нежности. Только сухая и сдержанная речь.

Правда, я не очень понимаю, в чём моя вина.

Наконец дверь ванной открывается. Рустам выходит с влажными волосами, полотенце низко сидит на бёдрах, а на лице усталая отстранённость.

Он проходит мимо меня, не глядя в глаза, и начинает рыться в ящике комода в поисках чистой одежды.

— Что ты хотела от меня?

— На меня ты за что злишься?

Рустам резко поворачивается ко мне, и я вижу, как на его лице играют желваки.

— Я просто не понимаю, как вы не можете справиться без меня!

— А почему я должна пытаться справляться, Рустам? — у меня всё чаще складывается впечатление, что мы совсем перестали понимать друг друга. — Дело не во мне, не в сиделке. Мы ему не нужны! Мы для него фон! Ему нужен ты, его сын!

— Я не могу ему дать того, чего он хочет.

— Рустам, скажи, ничего же не изменится? — в моём голосе столько страха и надежды, что я сама не узнаю его.

— Не понимаю вопроса.

— Я о сиделке. Пожалуйста, не уступай своему отцу! Одной мне будет не справиться! А тебя вечно нет! И как я понимаю — ты ничего не собираешься менять?

Глава 9

— А что я могу изменить, Полина? Что?

— Твой отец как-то предлагал перенести головной офис в Москву. Как тебе такая идея?

— Когда? — Рустам выглядит удивлённым. Но я совершенно точно знаю, что разговор был.

— Месяц назад, — всматриваюсь в лицо мужа, пытаясь понять, он врёт, что не помнит или правда не помнит. — Ты правда не помнишь?

— Нет. И, скорее всего, потому, что такую идею я считаю бредовой.

Внутри меня всё опускается. А я была уверена, что Рустаму эта идея совершенно точно понравился. Ведь перенос головного офиса позволил ему жить дома, а не мотаться межу городами.

— В любом, если ты откажешься от сиделки, тогда я… — замолкаю, потому что не могу ответить, что сказать в продолжение. Я верю, что Рустам не глупец.

— Успокойся. — Муж чуть улыбается, и наблюдая, как его лицо становится более мягким, отпускаю свои страхи. — Зачем мне отказываться от того, что пока работает.

— Я слышала ваш разговор с отцом. Мне... приятно, что ты пока держишься.

— А разве может быть иначе, любимая? — замечаю, как

его брови слегка приподнимаются в удивлении. — Ты моя жена. Ты главная в этом доме. И если мы приняли с тобой решение, что за ним будет присматривать сиделка, значит, так и будет. Ну. В конце концов, что он нам может сделать? У него теперь больше нет власти.

Когда мой муж говорит эти слова про своего отца, я слегка удивляюсь.

Раньше Рустам очень уважал своего отца и всегда прислушивался к его мнению. А теперь он говорит о нём словно пренебрежительно.

Хотя может быть это мне на фоне внешних и внутренних раздражителей просто так кажется.

Когда человек возмущён и возбуждён — всегда все события играют в другом свете.

— Полин, выдохни. Ничего не изменится.

— Спасибо тебе за эти слова. Она мне так нужны теперь.

Рустам обнимает меня за плечи, проводит рукой по волосам, и я снова вспоминаю, каким он умеет быть нежным.

Я всегда любила в нём эту силу. Ему умение взять себя в руки в самый важный момент вызывает во мне восхищение.

— Я понимаю, что тебе тяжело, когда меня нет рядом. Но что делать, Полин?

— Я думала, что сиделка поможет мне, но твой отец... он не отпускает ситуацию. Ольга ему словно кость в горле. Хотя, по моему мнению, эта девушка очень терпелива и уступчива.

— Ладно, хватит о них. Я уже пару часов, как вернулся домой, но так и не обнял тебя по-настоящему. Рустам преодолевает расстояние между нами и берёт меня в свои объятья. — Я соскучился по тебе, — шепчет в ухо и утыкается лбом в макушку.

Сегодня мой муж ведёт себя странно, и я не очень понимаю эти перемены.

В его движениях нет привычной властной самоуверенности, скорее — скрытая просьба о помощи, которую он не хочет озвучивать вслух.

— Полинка, ты же не оставишь меня одного с этой бедой? — задаёт мне странный вопрос.

— Конечно, нет. Откуда такие мысли?

— Ты сказала такую фразу, что если я уступлю ему, то ты… Ты уйдёшь? — мне кажется, или я впервые в жизни слышу страх в голосе моего мужа.

— Я буду с тобой.

Мы ложимся в кровать, и Рустам сразу же, немедля притягивает меня к себе.

Его руки ложатся на мои бёдра, привычно и собственнически. Он начинает ласкать моё тело, его губы находят чувствительную точку и нежат её.

Но даже несмотря на уверенные ласки, я всё равно чувствую: он не здесь.

Его поцелуи кажутся мне механическими, а руки чужими.

И я знаю, почему это происходит.

Вероятно, потому, что его, так же как и меня, не отпускает ситуация с Асланом Теймуразовичем.

Она совершенно незаметно и без предупреждения встала между нами невидимой стеной, мешая полноценно жить, дышать и чувствовать.

— Прекрати думать про него. Подумай обо мне, — шепчу ему ласково.

Рустам кивает и снова тянется к моим губам.

Но как только я снова закрываю глаза, пытаясь снова расслабиться, знакомый резкий голос заставляет меня открыть их.

— Рустам… Руста-а-ам! Да подойди же ты, наконец!

Муж замирает. Его рука, только что соскальзывавшая к моему животу, по инерции на крик сжимается в кулак.

Секунда, вторая… Он нехотя отстраняется, и я кожей чувствую, как уходит тепло.

Он сжимает зубы, глаза его полны гневного огня, но воспитание не позволяет ему сорваться на крик.

— Что ты хотел, папа? Я раздетый.

— Да что я там не видел! У меня подушка сползла! — продолжает кричать отец из своей комнаты. — Рустам!

Мой муж шумно выдыхает, на мгновение закрывает лицо ладонями, а затем резко садится на кровати.

Он быстро растирает руками лицо, снова сжимает кулаки, и в свете ночника я вижу, как на его лице ходуном ходят желваки.

— Извини, — бросает он, даже не глядя в мою сторону, и тянется за халатом. — Я должен пойти. Он сам не успокоится.

— Да, я знаю. Это случается каждый вечер.

Рустам поворачивает ко мне лицо, и мы оба понимаем: дело не в подушке.

Дело в том, что даже вечером, когда ты закрываешь глаза и хочешь отвлечься от усталости и этой реальности, всё равно, как ни крути, Аслан Теймуразович не даст тебе этого сделать.

— Мы выдержим, — тяну руку к мужу, и он сжимает её.

— Я знаю. Нам придётся.

Спустя час, когда Рустам возвращается в кровать, я уж практически заснула.

Он садится и смотрит в одну точку.

— Что случилось? — приподнимаясь, спрашиваю его.

— Я опять разговаривал с отцом.

— Дай догадаюсь: и снова о сиделке.

— Да. Он очень недоволен Ольгой.

— Но она хорошо выполняет свои обязанности. Кроме того, она освоила упражнения, которые Аслан Теймуразович делает с реабилитологом, и вполне неплохо делает ему их сама несколько раз в день.

— А ты откуда знаешь? Ты же работаешь, — с недоверием спрашивает меня Рустам.

— Амир сказал. Он несколько раз приходил домой рань-

ше обычного и видел, что Оля занимается с ним. Это вряд ли спектакль. Рустам, что вдруг изменилось?

— Он упрямится. А я не могу не уступить ему.

— И что ты предлагаешь?

— Надо пробовать другой вариант.

— Хорошо. Поищем другую сиделку. Кого-то более терпеливую и сговорчивую, которая сможет сгладить углы.

— Уверен, нет смысла, — отвечает он, протягивая мне руку, требуя, чтобы я вложила свою. — Поль, я тебе скажу, но ты не… взрывайся. Ладно?

— Что случилось? — мой голос звучит едва слышно.

— Ты обещаешь? — настаивает, чтобы я выполнила то, что он просит.

— Хорошо.

— Сколько бы сиделок мы ни искали, отец всё равно настаивает на то, что ухаживать за ним — это наша обязанность. Ты должна понять: если я не могу этого делать, значит… — Мой муж недоговаривает, но я всё равно всё понимаю.

После того как он говорит мне эти слова, я чувствую, как холод пробегает по моей спине.

В голове тут же появляется самая страшная для меня картина, где я, запертая в четырёх стенах, навсегда теряю право на собственную жизнь.

Дыхание от таких мыслей перехватывает и мне становится тяжело дышать.

— Нет! — подскакиваю на кровати.

— Хорошо… — тяжело вздыхает. — Точно?

— Да!

— Ладно... Я не могу тебя потерять… — Рустам задумчиво смотрит в одну точку и не моргает. — Если это произойдёт, всё рухнет. Мой мир рухнет… Ладно, будем думать, как угодить вам обоим. Если Ольга его не устраивает — я найду другую сиделку. А если и она не будет, значит, будет десятая, сотая.

Когда он говорит мне это, я чувствую, как слёзы начинают жечь глаза.

Я смотрю на мужа и понимаю: каким бы иногда суровым, закрытым или невыносимым он ни был сегодня, в самый критический момент он, несмотря ни на что, выбрал меня.

Для Рустама слово Аслана Теймуразовича всегда было законом. Но сегодня он осмелился нарушить его. И сделал это осознанно.

Он пошёл против приходи старшего поколения, чтобы защитить мой покой. И я, признаться честно, такого от него не ожидала.

— Спасибо.

Он кивает, и заметив слёзы на моих глазах, его лицо смягчается.

Рустам протягивает руку и медленно, очень нежно стирает влажный след большим пальцем.

— Просто не уходи. Хорошо? Не оставляй меня с ним.

Я… не вытяну один.

— Мы сделаем это вместе.

— Иди ко мне, — шепчет мне в губы, притягивая к себе. — Я не закончил то, что начал.

Глава 10

СПУСТЯ ТРИ МЕСЯЦА

— Холодный! — голос Аслана Теймуразовича дребезжит от негодования и разносится эхом по дому. — Я просил горячий, а не эти помои!

— Ничего страшного, пейте! — огрызается сиделка, и в её тоне я слышу откровенное раздражение.

Отмечаю про себя, что в нём больше нет той профессиональной лести, которой она потчевала меня на недавнем собеседовании. Теперь её голос злой и агрессивный.

— Я не буду! Принеси мне нормальный, кипяток!

— Вы сами хотели чай пять минут назад. Пока я донесла, он стал идеальной температуры. То, что вы требуете вредно для ваших сосудов! Угомонитесь уже, в конце концов! Как ты мне надоел… — следом добавляет она и я слышу тяжёлые шаги по паркету в сторону выхода из комнаты.

Присаживаюсь на небольшой диванчик, стоящий в коридоре, и закрываю лицо руками.

Снова конфликт. И это уже не первый за неделю. Если я не ошибаюсь, третий. А ведь я на эту женщину возлагала такие надежды!

Когда я приглашала Галину Михайловну, она казалась мне воплощением спокойствия: мягкая, с тихим голосом и добродушным взглядом. Я была уверена, что она будет имен-

но той, кто вынесен колючий характер моего свёкра.

А теперь получается, я и здесь ошиблась.

Я часто вспоминаю Ольгу. Она, пожалуй, была единственной, кто относился к моему родственнику терпеливо. И я уже не раз пожалела, что согласилась искать другую кандидатуру на роль сиделки.

— Добрый день, Аслан Теймуразович, — произношу я, заходя в комнату и буквально натягивая на лицо дежурную улыбку. Последнее время я делаю это всё чаще, а сил остаётся всё меньше. — Что у вас случилось?

Сажусь на край стула рядом со свёкром, заставляя себя смотреть ему в глаза. К моему удивлению, он в ответ смотрит на меня без гнева. Напротив, с теплотой.

Я заметила, что последнее время он стал более терпимым ко мне. И даже несмотря на то, что я не знаю причин, я рада таким переменам.

— Поля, она издевается надо мной, — кивает небрежно в сторону женщины. Она специально подаёт мне ледяной чай. Вероятно, хочет, чтобы я заболел и подох!

Галина Михайловна стоит у окна, скрестив руки на груди и наблюдает за нами.

После сказанных слов, она без всякого стеснения демонстративно закатывает глаза и цокает языком.

По её резким движениям и поведению нетрудно догадаться, что она возмущена претензиями своего подопечного.

— Галина Михайловна, пожалуйста, переделайте для

Аслану Теймуразовичу чай, — прошу я негромко. — Это ведь несложно, правда? Аслан Теймуразович, а вы… постарайтесь быть терпеливее к нашей помощнице. Хорошо?

Галина Михайловна кивает мне с таким видом, словно делает одолжение. Но я стараюсь не обращать внимания на подобное поведение. Мне достаточно родных в виде свёкра и мужа.

Не дожидаясь ответа, я выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь.

У меня сегодня был тяжёлый день, и сил на полноценный разбор полётов у меня просто нет.

Зайдя в свою спальню, падаю в глубокое кресло и закрываю глаза. Больше всего мне хочется исчезнуть или стать невидимой.

А ещё лучше уехать туда, где никто не будет ничего от меня требовать: ни горячего чая, ни сводных таблиц, ни внимание к родным.

Последнее, пожалуй, главное желание, потому что Рустам стал помешан на этом пункте.

Не знаю, что наговорил ему свёкор, но теперь из-за постоянной смены сиделок, он хочет, чтобы именно я уделяла его отцу больше этого самого внимания.

Набираю мужу. Я хочу сообщить ему, что мы снова скоро лишимся помощницы. Но трубку он не берёт. И это уже второй день подряд.

Волнуясь из-за его молчания, иду к сыну, желая узнать,

разговаривал ли он с отцом сегодня.

— Амир, — стучусь в комнату к сыну и заглядываю внутрь.

В комнате никого нет. Но по включённому компьютеру и брошенному на кресло пиджаку от костюма я понимаю — он где-то здесь. Вероятнее всего, просто отошёл на минуту.

Я уже собираюсь закрыть дверь, но моё внимание цепляет изображение на экране. Яркое, контрастное пятно в тёмной комнате притягивает взгляд.

Оглядываюсь, проверяя, нет ли рядом Амира. Любопытство берёт вверх, и я захожу в комнату.

Подхожу ближе, вглядываясь в экран, и вглядываюсь. На меня смотрит красивая девушка.

Я замираю и несколько секунд рассматриваю её.

Сосредоточившись на лице, я отмечаю про себя её привлекательность. Но это не главное, что привлекает меня в этот момент.

Я вдруг понимаю, что в чертах лица девушки есть что-то пугающе знакомое. Эти глаза, нос, упрямая линия подбородка…

Она похожа на кого-то. Но на кого? Пока не понимаю.

В первую минуту кажется, что на моего сына Амира. Но у него нет детей, так что вероятность родства отпадает автоматически.

Получается, у моего сына появилась девушка, о которой он не счёл нужным мне рассказать?

Лёгкая материнская ревность бежит по венам, но я пресекаю её, понимая, что Амир не обязан отчитываться передо мной.

Он уже довольно взрослый для того, чтобы иметь свои тайны и имеет право на личную жизнь.

Единственное, мне непонятно, почему он так тщательно скрывает о её существовании.

Не желая быть застигнутой, я быстро пробегаюсь по фото глазами и отхожу от компьютера. Однако выйти не успеваю.

— Что ты делаешь? — подпрыгиваю на месте от неожиданного резкого баса своего сына.

— Амир… — прикладываю руку к груди. — Как ты напугал меня!

— Прости, я не хотел.

Амир, заметив, что на экране светится фотография девушки, буквально в два шага подходит к компьютеру и выключает его.

— Красивая… — киваю в сторону монитора.

— Обычная, — я не чувствую в его голосе гордости за незнакомку.

— Кто это? Твоя девушка? — не могу удержаться и не задать этот вопрос.

— Мам, ты что-то хотела? — Амир не отвечает мне, и теперь я вижу, что он сильно нервничает.

— Я хотела спросить, что ты хочешь на ужин.

— Всё равно!

— Ладно, я поняла.

Амир, словно желая поскорее избавиться от меня, открывает для меня шире дверь.

Хочу выйти, но неожиданно слышу, как новая сиделка снова начинает ругаться с моим свёкром.

— Ладно, мне пора на очередные разборки.

— О, вот об этом, кстати, я хотел поговорить с тобой.

— Говори.

Амир передумав выпроваживать меня, прикрывает дверь и поворачивается ко мне.

— Это насчёт как там её… Галины... Какая она по счёту за этот период? Я устал запоминать их имена.

— Михайловны. А что с ней?

— Мам, она отстой! И я понимаю, почему дед так возмущён!

— Что за слова, Амир?! — повышаю голос на сына, чтобы он не забывался.

— Я говорю то, что есть. Отец платит ей такие огромные деньги, а она вообще из телефона не вылезает. Как не зайду, она не дедом занимается, а пролистыванием ленты в своём гаджете.

— Ты уверен? — понижаю тон и недоверчиво смотрю на сына.

— Да. Дед зовёт её, а она сидит на кухне в наушниках и не слышит его. А когда он начинает капризничать, она просто идёт и делает всё на отвали, только чтобы он скорее замол-

чал. Тот чай, из-за которого они орали — он на столе стоял полчаса. Я сам видел. Дед не врёт, мам. Это не он зло, а она гадина. И она реально его игнорирует.

Ничего не отвечаю сыну. Сажусь на его кровать и закрываю глаза.

Как же я от этого всего устала… Вся моя, как мне показалось на несколько дней, налаженная система снова рушится, как карточный домик.

— Почему ты раньше не сказал? — чувствую, как усталость сменяется злостью.

— Ты приходила поздно. Я думал, она изменится. Но сегодня уже случился перебор. Когда он хотел походить по комнате, а она вместо того, чтобы помочь ему встать, цыкнула на него. А следом и вовсе заорала. Я поставил её на место, но она меня послала. Ты смотри сама, но я скажу отцу, чтобы он увольнял её.

Я медленно поднимаюсь с его крова и иду к выходу.

Не знаю, что происходит со мной в этот момент, но инстинкт защиты своей семьи и территории срабатывает как спусковой крючок.

Каким бы несносным ни был мой свёкор, но он отец моего мужа и никто не смеет проявлять к нему такое пренебрежение.

— Не надо никому ничего говорить. Отец и так слишком нервный. Пойдём, — говорю я, расправляя плечи. — Я сейчас разберусь.

Пока иду в комнату к свёкру, стараюсь окончательно не взорваться.

Открываю дверь и замечаю, как Галина Михайловна стоит над Асланом Теймуразовичем и что-то выговаривает ему.

Я вижу его растерянное лицо и не узнаю его. Он молчит, закрыв глаза.

А буквально полгода назад он бы поставил эту даму на место. Причём, не повысив тон.

Нетрудно догадаться, что это болезнь изменила его. Теперь он понимает, что не может за себя заступиться.

Но у него есть я! Я заступлюсь!

— Отойдите от него, — мой голос звучит довольно громко и жёстко. Женщина неожиданно вздрагивает.

— Полина, я…

— Вы уволены. Прямо сейчас.

— Что? Но… почему? — женщина смотрит то на меня, то на своего подопечного. — Я всего лишь хотела поправить ему подушку, а ему опять всё не так и не эдак.

— Я хотел встать, Полина. Мне нужно ходить! Ты же слышала, что сказал врач, — словно оправдывается передо мной родственник.

Киваю. Конечно, слышала. Именно поэтому в выходные дни мы вместе с ним нахаживаем круги по дому и радуемся, как дети, что у него есть пусть небольшой, но прогресс в движении левой ноги.

— Это неправда! У него десять пятниц на неделе, — фыр-

кает эта стерва.

— Хоть двадцать. Вы для того здесь и находитесь. Мой муж платит вам зарплату выше, чем по рынку.

— И что? Я скакать перед ним должна?! Полина, как вы не понимаете: он капризный старик! — продолжает Галина Михайловна.

— Закройте рот, соберите вещи, и вы свободны.

Не желая больше тратить на неё своё время, я подхожу к кровати свёкра и протягиваю ему руки.

Он сначала замирает в удивлении, затем чуть заметно кивает, расправляет плечи, и, крепко ухватившись за мои ладони, пытается встать.

Глава 11

Рассчитав Галину Михайловну, я полночи не могла уснуть.

Я думала о том, где теперь искать человека, способного выдержать крутой нрав Аслана Теймуразовича, и не находила ответа.

Эта задача казалась мне сейчас масштабнее и сложнее, чем любой годовой отчёт в офисе.

Одна сиделка сменяется другой, и ни одна не выдерживает напряжения, которое царит в доме.

У нас всегда царил мир и покой, а теперь я не хочу идти домой, потому что мне приходится выступать вечным третейским судьёй между моим свёкром и его помощницами.

Рустам не обманул, когда я сказал, что все разборки лягут на меня. Хотя в любом случае так и будет, и других вариантов не остаётся. Ведь он так редко бывает дома.

Иногда я очень злюсь на него за это. Ведь он мог бы хотя бы ради отца отойти от дел и перенаправить обязанности на своих заместителей.

Но, с другой стороны, теперь он во главе компании, и как я понимаю — ему очень важно не подвести отца.

Главное, что я подчерпнула из последнего разговора с мужем: ни я, ни он не знаем, как сделать так, чтобы все были довольны.

На наши плечи давит сложный выбор и сложный путь. Но скинуть со своих плеч эти тяготы и предать сейчас мужа в этой ситуации я не могу.

Я уверена, что с моей стороны это будет особенно подло.

— Привет, — день начинается со звонка супруга.

— Привет. — Я догадываюсь, что мой свёкор всё рассказал своему сыну.

— Как дела? — Рустам пытается звучать непринуждённо, но я слишком хорошо знаю этот тон.

— Нормально. Рустам, ты по делу или… — надеваю платье и спешу расчесать волосы.

Мне ещё нужно успеть собраться на работу, а затем ближе к обеду вернуться, чтобы присмотреть за Асланом Теймуразовичем.

Пока я не найду нового человека, это обязанность будет на мне.

— По делу. Я задерживаюсь в холдинге. Дел невпроворот, командировка затягивается.

— Ясно. Ничего нового.

— Погоди. Я не всё сказал.

— Ну, — могу поспорить, что я знаю его следующие слова.

— Полина, я настоятельно прошу тебя уволиться! Сейчас же! Напиши заявление и забудь об этом офисе как о страшном сне. Ты же видишь, что дом трещит по швам!

— Я разберусь. А на твоего отца я зла. Зачем он расска-

зывает тебе о наших проблемах, если ты всё равно их не решаешь? — я говорю последние слова в каком-то жутком отчаянье.

— Полина, неужели ты и правда не понимаешь, что это забота о тебе?

— Позаботься лучше о своём отце! Выручи меня! Помоги мне! Найди себе уже нормального, толкового заместителя, который начнёт работать как положено! Вернись домой, Рустам! Мне нужен муж, а не голос в трубке, раздающий указания!

— Не могу, — безапелляционно заявляет он, и я понимаю, что ничего другого я от него не услышу. Разве он хоть раз за столько лет отвечал мне иное? — Полина, я ведь шёл тебе на уступки. Но ты видела — результат плачевный. Пожалуйста, уступи и ты мне! А я, как только у меня будет время, подумаю, как всё уладить.

Рустам снова начинает давить на чувство ответственности. Но я так устала от него!

— Прекрати кормить меня тупыми обещаниями! Ты ничего не пытаешься уладить. Я прохожу все проблемы одна! А точнее, с меняющимися каждую неделю сиделками! Сколько дней ты был дома последний раз, а, Рустам?!

Муж молчит. Ему нечем меня заткнуть.

— То-то и оно! За последние несколько лет ты бываешь в месяц дома от силы неделю. Приезжаешь, отдыхаешь, собираешь чемодан и снова едешь в командировку. Вот это и

наше «вместе!».

— Но я не гуляю! И тебя это раньше устраивало! Ты все эти годы жила в достатке и ни в чём не знала отказа.

— Верно. Но я не была готова к тому, что моя жизнь изменится… так. Рустам, я, правда, очень устала.

Начинаю плакать прямо в трубку и не могу остановиться. Мне неожиданно становится жаль именно себя.

Я ведь на самом деле думала, что я смогу всё это тянуть. Но я не могу. Мне надоело нести чужую ответственность.

— Послушай меня внимательно, Поля, — голос Рустама смягчается, и я понимаю, что он предпочитает попытаться успокоить меня, нежели надавить. Он знает: уже не выйдет. — Я обещаю тебе: если ты уступишь и уволишься, как только папа поправится, я буду не против, чтобы ты вернулась на работу.

— Ему долго восстанавливаться. И меня никто обратно не возьмёт.

— Я решу вопрос с твоей работой. Ты не останешься на улице. У меня достаточно связей, чтобы устроить тебя. А если захочешь, иди к нам в холдинг.

— Ты прекрасно знаешь, что я против того, чтобы быть у тебя в подчинении. Мне хватает этого и дома, — хлюпаю носом, стараясь успокоиться.

— Ладно, ладно! Значит, не холдинг. Куда сама захочешь.

— Но я не хочу терять то, что у меня есть! У меня отличная должность и хорошая зарплата.

— Ну, о деньгах тебе точно думать не нужно. Об этом всегда думал я.

Да, всё так. Мои карты всегда были только золотыми, а бутики, в которых я одеваюсь — лучшими.

Любые счета, о которых я говорила Рустаму, закрывались по первому требованию. Любые капризы выполнялись, стоило мне только о них подумать.

— Всё так, — говор уже спокойнее.

— Вот и здесь ничего не изменится, — продолжает он, чувствуя, что я начинаю сдаваться. — Полюшка, ты правда почувствуешь разницу, когда бросишь свою работу. Тебе станет легче, вот увидишь. Отец пусть и медленно, но идёт на поправку. А с каждым днём будете только лучше. Ты перестанешь разрываться, сможешь нормально спать, не будешь никуда торопиться. А я буду спокоен, зная, что дома порядок и отец под присмотром. Ну, согласна?

— Мам, — отвлекает меня сын, — там дядя Дамир приехал.

Прикрываю ладонью трубку и поворачиваюсь к сыну.

— Дамир?

— Да. Он проездом в Москве и решил заехать к нам в гости.

— Хорошо, я с отцом договорю и приду. Принимай гостя. И обязательно отведи к деду. Он будет рад встрече.

— Кто там? — спрашивает меня Рустам, услышав наш разговор.

— Твой брат. Амир сказал, что он проездом.

— Ясно. Ладно, я не буду тебя больше задерживать. Полин, подумай над моим предложением.

Я быстро прощаюсь с мужем и спускаюсь на первый этаж. Слышу приглушённые голоса из кухни и замедляю шаг.

Один, моложе, принадлежит Амиру. Второй низкий и уверенный Дамиру.

Заходя на кухню, замечаю, что они сидят близко друг к другу и о чём-то говорят.

Мой сын что-то жарко доказывает Дамиру, а тот, нахмурившись, слушает и не перебивает.

Однако стоит мне зайти в помещение, как разговор тут же прекращается.

— Дамир, привет, — стараюсь казаться непринуждённой. — Ты какими судьбами?

— Я приехал по делам. Прости, что так рано. — Он косится на моего сына, а я пытаюсь понять, что происходит.

— Ладно. Мне пора. Амир, угости Дамира кофе, чаем. Накорми.

— Ладно, иди мама, — сын словно выпроваживает меня.

Дамир, слушая нас, смотрит на меня, не отводя глаз. А я, замечая его странный взгляд, ёжусь.

Он мне не нравится. Он слишком… глубокий. Слишком личный.

Подобным образом на меня всегда смотрел только Рустам: собственнически, пронзительно.

Дамир же всегда держал дистанцию, не позволяя себе подобного.

— Удачного дня, Полин. Я пригляжу сегодня за Асланом Теймуразовичем.

— А-а-а, — хочу спросить, с чего он решил, что за ним нужен пригляд, но Дамир сам отвечает, что уже в курсе наших событий.

Злюсь на Амира. Зачем он вываливает на брата отца наши проблемы. Мы обязаны сами разбираться с ними.

— Иди, мама, — Амир поддакивает ему, и я чувствую, что в его голосе сквозит отчётливое нетерпение.

— Пока.

Громко топаю в сторону входной двери, открываю её, создавая отчётливый сквозняк, и с силой хлопаю обратно.

Но это лишь видимость. Я, желая понять поведение сына, остаюсь внутри.

Стараясь не выдать себя, замираю, вжавшись в стену.

Да, я осталась, чтобы подслушивать. Но мной движет вовсе не праздное любопытство и не желание влезть в чужие дела. Просто теперь внутри моё материнское чутьё не предупреждает, а кричит во весь голос: мой сын что-то скрывает от нас!

Амир и Дамир остаются сидеть на кухне, не подозревая, что я рядом.

— Зачем ты попросил меня приехать?

— Потому что мне нужна помощь, — отвечает Амир по-

давленно. — Мать расстраивать такими новостями не хочу. Боюсь, она не выдержит.

— Настолько большие проблемы?

— Вот это я и хочу понять.

— Говори! И ничего не скрывай! Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне. Мы же родные люди.

Когда он говорит эти слова, я снова вспоминаю, как он отреагировал на нашу беду.

Он, бросив все свои дела, приехал к моему свёкру и наравне с Рустамом решал все вопросы.

Он всегда был таким: для него слова «родные люди» не были просто звуком. И Дамир это неоднократно доказывал.

— Спасибо, Дамир.

— Так что случилось? Проблемы в университете? С девушкой что-то не так? Или вляпался куда? Говори, как есть. Я всё решу.

— Прежде чем я расскажу тебе, поклянись сказать мне правду про отца.

— Я? Правду? О Рустаме? — переспрашивает Дамир, словно не понимая, чего хочет от него мой сын.

Я, кстати, тоже его просьбы не понимаю.

— Да, ты! Ты брат моего отца. И вы, насколько я знаю, всегда были довольно близки. Клянись! — повышает голос Амир.

— Клянусь.

— Хорошо. — Амир замирает на пару секунд, а потом за-

даёт Дамиру вопрос, который я меньше всего ожидала услышать:

— Ты знал, что у моего отца есть вторая семья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.